

Сы Юэ перетащил целую гору вещей в комнату Бай Цзяня. Когда дядя Чэнь поднялся, чтобы предложить помощь, он отказался:

— Тут только пижама и умывальные принадлежности, я сам справлюсь.

Однако дядя Чэнь всё же помог донести кое-какие вещи. Например, ноутбук и игровую приставку — то, без чего Сы Юэ не обходился ни в одной поездке.

Проходя по коридору, Сы Юэ взглянул на матовые плафоны светильников и вдруг спросил:

— Значит, Бай Лу согласился на экспериментальное лечение?

Дядя Чэнь кивнул:

— Молодой господин сказал, что готов попробовать.

Но у Сы Юэ на душе было беспокойно: Чжоу Вэньсяо не вызывал у него доверия. То ли работала человеческая интуиция, то ли пробуждающееся под влиянием Бай Цзяня чутье тритона, но этому ученому он не верил.

Дядя Чэнь, разумеется, заметил его беспокойство. Он был уже стар, годы прорезали на его лице глубокие морщины. Он видел, как рос Бай Лу, с того самого дня, когда Бай Ишань привез его с моря и передал ему на руки. Хвостик маленького тритона тогда отливал нездоровой белизной, чешуя была повреждена, а в воде он двигался с таким трудом, будто хвост был чужеродным предметом, а не частью тела.

— Он сказал, что всё равно вряд ли проживет долго, так что если есть шанс, он готов им воспользоваться, — в голосе дяди Чэня прозвучала несвойственная ему тоскливая усталость.

Старик подошел к спальне Бай Цзяня и толкнул дверь перед Сы Юэ. Глубоко вздохнув, он произнес:

— Молодой господин А-Юэ, если это будет в ваших силах... прошу, помогите нашему младшему господину.

Он знал: просить господина Бай Цзяня почти бесполезно. Тритоны по своей природе не скованы оковами эмоций так, как люди.

Дверь медленно закрылась. Сы Юэ на мгновение замер, вспоминая мелькнувшие в глазах дяди Чэня слезы.

Что он мог сделать?

Ровным счетом ничего. Перед лицом смерти и богач, и нищий — лишь марионетки в руках судьбы.

На самом деле, Бай Цзянь уже сделал всё возможное, и дядя Чэнь это прекрасно понимал. Его просьба, скорее всего, означала лишь одно: он хотел, чтобы Сы Юэ почаще бывал с Бай Лу. Чтобы последние дни мальчика были наполнены надеждой и радостью.

Сы Юэ просмотрел гору материалов о врожденных болезнях тритонов. Специфических недугов у этой расы было немного, но важность хвоста для них была сопоставима с важностью сердца для человека. Стало понятно, почему недоразвитие хвоста смертельно опасно.

В углу экрана замигало окно чата. Чжоу Яньян.

[Жест, Цзян Ши отчислился.]

[Только что узнал от Чжэн Сюйюя, а тому одноклассник по средней школе нашептал. Вчера забрал документы, мол, дела в семейном бизнесе прижали. А ведь он на бюджете был! Хотел позвонить и обматерить его за такую глупость, но вспомнил, как он мне недавно навалял, и решил — ну его. Пусть катится.]

Сы Юэ посмотрел на сообщение. Сначала он хотел повозмущаться вместе с другом, но потом стер набранные слова. Его пальцы лениво пробежались по клавишам:

[Нас это не касается.]

[Чжоу Яньян: Ну да, ну да, я просто к слову. Слушай, у тебя на выходных есть время? Пойдем куда-нибудь, сто лет не виделись. Ты теперь типичный «нашел жену — забыл отца».]

[Отвали.]

[Чжоу Яньян: Ты не представляешь, какая тут скукотища! Этот придурок Чжэн Сюйюй теперь под каблуком у своей пассии сидит, шагу ступить не может. С остальными мне не по пути. В прошлый раз попробовал с ними потусить, так они групповуху затеяли, блин! Я, как нежный цветок нашей родины, позорно бежал через парадную дверь.]

[Я сейчас «невыездной». Причину сказать не могу, давай через пару месяцев. Летом выберемся куда-нибудь, я угощаю.]

[Чжоу Яньян: Я что, на мели, по-твоему? И что за секреты от «папочки»? Что вы все шифруетесь? Ты там часом не забеременел? А то «несколько месяцев не могу выйти»... Другой причины и не придумаешь.]

[Сы Юэ: Беременность тебе в дышло.]

[Чжоу Яньян: Ну, от него-то забеременеть — дело непростое.]

[Чжоу Яньян: И всё-таки, серьезно не скажешь?]

[Чжоу Яньян: Ладно, молчи. У кого нет своих скелетов в шкафу? Всё, я спать, а то разозлюсь еще.]

Сы Юэ решил, что Чжоу Яньян и правда обиделся — за последнее время он и впрямь забросил друга. Он перевел ему двадцать тысяч.

Принято мгновенно.

«...»

[Сы Юэ: Верни деньги.]

[Чжоу Янъян: Сплю уже. Пока!]

[...]

Когда Бай Цзянь пошел по коридору, Сы Юэ сразу услышал его шаги. Он мгновенно выключил игру, запахнул чипсы в ящик журнального столика и поправил измятое одеяло.

На самом деле, если Сы Юэ слышал шаги Бай Цзяня, то Бай Цзянь тем более знал, чем он там занимается в комнате.

Дверь открылась. Сы Юэ выдал самую лучезарную улыбку:

— Добрый вечер!

Бай Цзянь подошел и запечатлел поцелуй на его лбу. Затем его рука скользнула мимо Сы Юэ и, прежде чем тот успел среагировать, выдвинула ящик столика.

Он был доверху забит снеками.

Сы Юэ с каменным лицом задвинул ящик обратно и посмотрел на Бай Цзяня:

— Я считаю, это вопрос моей личной свободы.

Бай Цзянь ущипнул его за щеку:

— А я считаю, что тебе сейчас стоит поменьше есть всякую дрянь.

— Да я и не ел, это на всякий случай.

Мало ли — вдруг проголодается, или станет скучно за книгой или игрой.

— Одиннадцать вечера. Пора спать.

Бай Цзянь поднял Сы Юэ с ковра.

Когда Бай Цзянь был вежлив и обходителен, Сы Юэ казалось, что в нем нет никакой угрозы — так, мягкий человек, которого при желании можно одним ударом с ног свалить. Но когда Бай Цзянь становился серьезным, Сы Юэ понимал: этому существу ничего не стоит свернуть ему шею... простым движением пальца.

Сы Юэ был парнем сообразительным, поэтому послушно забрался под одеяло. Когда погас основной свет, остались гореть только два настенных бра у изголовья. Он перевернулся на бок, но сна не было ни в одном глазу.

Во-первых, слишком рано. Во-вторых, сколько он себя помнил, он почти никогда не спал в одной постели с кем-то, кроме Чжоу Янъяна и компании в походах.

К тому же, ощущения от сна в одной кровати с Бай Цзянем были совершенно иными, чем с друзьями.

— Бай Цзянь, а почему ты не спишь в своем бассейне? — Сы Юэ, лежа на боку, ткнул пальцем Бай Цзяня в щеку.

Тот лежал с закрытыми глазами, лицо его выражало абсолютное спокойствие.

— Я тритон, а не рыба.

— А в чем разница?

— Вот станешь тритоном — сам поймешь.

Сы Юэ снова попытался «похулиганить» руками — ему не сиделось на месте. Бай Цзянь перехватил его ладонь, спрятал её под одеяло и, перевернувшись, притянул юношу в свои объятия. Прохладные губы коснулись ушной раковины Сы Юэ.

— А-Юэ, — негромко произнес он, — я не всегда смогу ставить твои чувства на первое место.

— Что? — Сы Юэ был одновременно невинным и дерзким. Он выгнул шею и куснул Бай Цзяня за подбородок. — Ты об этом?

Бай Цзянь усмехнулся — скорее от возмущения, чем от веселья. В следующую секунду тело Сы Юэ резко напряглось. Он глухо охнул и больше не решался на провокации.

Бай Цзянь с легкой улыбкой прошептал:

— А-Юэ, не забывай: в обычном состоянии на моих пальцах нет слизи. Как и у вас, людей. Так что я могу «приступить» в любой момент.

Возможно, дело было в безупречной внешности Бай Цзяня — от его ауры до длины пальцев и формы суставов, к которым невозможно было придраться. А может, в том, что он был лучшим представителем своей расы, и в человеческом облике эта исключительность сохранялась. Но как бы там ни было, сейчас Сы Юэ отчетливо ощущал, насколько длинные и ловкие у Бай Цзяня пальцы.

Дыхание сбилось, он крепко вцепился в предплечье Бай Цзяня. Мышцы под кожей были такими же, как у людей, только температура тела была ниже.

Бай Цзянь не останавливался.

Сы Юэ уткнулся лицом в изгиб его шеи:

— Всё, всё, стоп! Я сплю! Я уже сплю, видишь? Глаза закрыты!

Глаза и правда были закрыты, но зрачки под веками беспокойно метались, а ресницы дрожали. Бай Цзянь убрал руку, поправил одеяло над Сы Юэ и небрежно бросил:

— Не жди, пока тебя проучат, чтобы начать молить о пощаде. Спи.

В этой фразе было столько лазеек, что Сы Юэ мог бы написать целую диссертацию в опровержение каждого слова. Но пока он подбирал едкий ответ, сон сморил его. Почти проваливаясь в забытие и так и не придумав, как красиво парировать, он пробормотал неосознанно:

— Разве это одно и то же? По крайней мере, другие не вытворяют со мной «такое-эдакое» при каждом удобном случае...

Бай Цзянь: «...»

Сы Юэ проспал до полудня. Проснувшись, он всё еще чувствовал тяжесть в голове — видимо, один из симптомов трансформации. Но как только он поднялся, стало легче.

Бай Цзянь давно ушел, заботливо оставив тапочки у кровати.

Шапая к ванной и чистя зубы, Сы Юэ пребывал в отличном настроении. «Бай Цзянь, должно быть, живет слишком долго, — думал он. — Весь такой правильный, принципиальный, внимательный к мелочам... Наверное, поэтому мне с ним так уютно».

Спустившись вниз, он увидел Вэнь Хэ и Бай Лу на диване. Они сосредоточенно над чем-то корпели. Картина «материнской любви и сыновней почтительности» заставила Сы Юэ на миг замереть.

Бай Лу, заметив его, сощурился от радости:

— А-Юэ, ты проснулся!

— Это вы чем тут... — Сы Юэ уставился на груды шерстяных клубков и деревянные палочки на столике. — Что делаете?

— Мама учит меня вязать, — Бай Лу сидел, скрестив ноги; на его спицах уже красовалось нечто фиолетовое. — Мама сказала, что я новичок, так что пока начнем с шарфа.

Сы Юэ отхлебнул сока, который подала горничная, и взял кусочек хлеба.

— Но ведь лето на носу.

Вэнь Хэ подняла взгляд и мягко произнесла:

— Бай Лу всё равно дома делать нечего, пусть хоть так время коротает. Тебе-то что?

Сы Юэ: «...»

Он посмотрел в окно, затем на нежно-розовую воду в аквариуме.

— Чжоу Вэньсяо заходил?

— Ага, — послушно ответил Бай Лу. — Обещал на следующей неделе, но на самом деле лекарство уже готово. Просто они еще не всё утвердили, вот и говорят всем, что в процессе. Сегодня он не стал давать мне основное лекарство, просто добавил в воду реактив для роста костей. Я спросил, нет ли чего для роста мозгов, он сказал — нет.

— А-Юэ, а ты как? Как себя чувствуешь? — Бай Лу считал, что состояние Сы Юэ важнее его хвоста. Его-то недуг был хроническим, он к нему привык, а риск трансформации Сы Юэ был в сотни раз выше.

— Нормально, — Сы Юэ посмотрел на кривой, бугристый четырехугольник в руках Бай Лу. — Уродство какое-то.

Бай Лу захлопал ресницами. Вэнь Хэ шлепнула сына по коленке:

— Он только учится, лучше бы поддержал его.

— Да ну, — хвастливо бросил Сы Юэ. — Я такое с закрытыми глазами свяжу.

Вэнь Хэ изящно улыбнулась:

— Неужели?

Дядя Чэнь, который до этого относил книги в комнату старого господина и слушал его рассуждения о жизни, как раз спускался вниз. Он увидел Сы Юэ, сидящего на ковре с хмурым видом и спицами в руках, словно перед ним стояла задача не менее сложная, чем превращение в тритона.

— Молодой господин А-Юэ, старый господин хочет вас видеть, — тихо произнес дядя Чэнь, подойдя к нему.

Сы Юэ опешил:

— Меня?

Он никогда не видел деда Бай Цзяня. Бай Цзянь не предлагал их познакомить, и если бы не слова дяди Чэня, он бы и вовсе забыл, что в этом доме живет кто-то еще.

— Хорошо, иду.

Сы Юэ с радостью воспользовался поводом, чтобы бросить вязание. Это было слишком сложно. В средней и старшей школе мода на вязаные шарфы вспыхивала регулярно — вязали друзьям, парам, тайным возлюбленным...

Бай Ишань не любил яркий солнечный свет, поэтому окна были занавешены полупрозрачным тюлем, создающим тусклое, призрачное освещение. В центре комнаты находился бассейн. Тритон полулежал у края, опираясь хвостом на специальное большое кресло в воде — так ему не нужно было тратить силы на поддержание тела на плаву. Состояние старого господина уже не позволяло ему активно плавать.

Рядом стоял чайный прибор, аромат чая заполнял огромную комнату. Вдоль всех стен тянулись стеллажи, доверху забитые книгами. Зайдя внутрь, Сы Юэ не сразу заметил старика у кромки воды. Волосы деда были серовато-белыми — даже не будучи тритоном, Сы Юэ видел разницу. В них не было блеска, они казались сухой, безжизненной травой.

— Пришел? — голос его был хриплым и надтреснутым от старости.

— Угу, — отозвался Сы Юэ. — Дядя Чэнь сказал, вы звали.

Сы Юэ присел в кресло у края бассейна. Бай Ишань медленно повернул голову. У него было доброе лицо, но из-за долгой неподвижности кожа была мертвенно-бледной, дряблой и изборожденной морщинами-пропастями.

— У Бай Цзяня отличный вкус, — после долгого изучения кивнул старик.

Сы Юэ не удержался от улыбки:

— Ну, я и правда красавчик.

Бай Ишаня позабавил этот тон, но он покачал головой:

— Нет, я имею в виду — ты не такой, как другие человеческие дети. Бай Цзянь прожил несколько веков, но в современном обществе он всего около ста лет. Он знает людей куда хуже меня, — старик подал Сы Юэ чашку свежезаваренного чая. — Когда я привез его в семью Бай, официально мы объявили, что ему двадцать. На самом деле ему тогда уже перевалило за сотню.

Сы Юэ не любил чай, поэтому просто держал чашку в руках, не притрагиваясь.

— Попробуй, — подбодрил Бай Ишань.

Не в силах отказать старшему, Сы Юэ сделал глоток. Его глаза округлились:

— Очень вкусно!

— А чей чай невкусен? — старик давно ни с кем так не болтал.

Бай Цзянь был холоден и старше его самого; Бай Юанье вечно молчал; Бай Лу не умел выбирать выражения и мог ляпнуть что-то вроде: «Дедушка, вы скоро умрете?». И вот наконец-то появился кто-то приятный.

— Я редко пью чай. Пробовал тот, что заваривал Бай Цзянь — так себе, слишком горький. Но я ему не сказал, чтобы не расстраивать.

Бай Ишань рассмеялся, но тут же зашелся тяжелым кашлем. Отдышавшись, он посмотрел на юношу сложным взглядом:

— Возможно, он пьет горькое, чтобы жизнь не казалась такой горькой.

То бессмертие, за которым многие гонятся, для Бай Цзяня стало лишь тяжелыми оковами,

тянущими в бездну.

— Он ведь не рассказывал тебе, как погибли его родители и близкие?

Сы Юэ покачал головой. Бай Цзянь никогда не упоминал о своем прошлом.

— Остров Лейс был священным островом тритонов. Тритоны оттуда славились своей добротой и долголетием и занимали высокое положение в нашем обществе. Бай Цзянь был любимым учеником Первопредка, — неспешно начал Бай Ишань. — Но возлюбленная Первопредка была человеком. Он время от времени покидал остров, чтобы быть с ней. Человеческий век короток, и видя, как она стареет, Первопредок решил превратить её в тритона. Опытов тогда не проводили, это не нынешние времена с кучей лабораторий. Он просто переделал её... и она умерла через три дня после превращения.

Сы Юэ смотрел на чайники на дне чашки. Он вспомнил те документы: «Был случай успешного превращения, но субъект прожил лишь три дня». Значит, речь была о ней.

— После этого наш Первопредок лишился рассудка, — продолжил старик. — Сначала он пытался найти способ продлить жизнь человеку, используя тритонов острова Лейс как подопытных. Он вырезал почти всех, оставив только Бай Цзяня. Когда на острове никого не осталось, он переключился на Цинбэй и соседние города. На этот раз он вводил свой ген напрямую обычным тритонам и людям. Это была катастрофа. Без предварительной очистки родных генов организмы не выдерживали агрессивной перестройки. Если бы Бай Цзянь, пользуясь доверием, не прикончил его, жертв было бы куда больше.

Бай Ишань закашлялся. Он сжал в ладони платок с выплюнутой кровью, а затем незаметно опустил руку в воду, позволяя ей раствориться.

— Семья Бай Цзяня была из высшего сословия, аристократами, поэтому они стали первыми кандидатами для экспериментов Первопредка. Бай Цзянь своими глазами видел, как его родителей, братьев и сестер держали в капсулах, превращая в биологический материал...

Старик прикрыл глаза. Он помнил, как вместе с человеческими отрядами зачищал то, что осталось от острова. Бай Цзянь тогда стоял на коленях перед статуей божества тритонов, согнувшись до самой земли.

Сы Юэ не мог этого представить. Он пытался поставить себя на его место — видеть, как твоих родителей превращают в «подопытных». Трудно было соотнести нынешнего мягкого и галантного Бай Цзяня с тем человеком из рассказа.

— Счастье, что он встретил тебя. А то я уже думал, что он собирается вечно жить в раскаянии, — с облегчением произнес Бай Ишань. Люди, одержимые прошлым, часто сворачивают не туда.

Сы Юэ открыл рот от изумления. Раньше он думал, что Бай Цзянь такой крутой из-за гена Первопредка. А оказалось, он сам по себе был аристократом среди тритонов. Даже без

Первопредка он был бы «баловнем судьбы». Неудивительно, что Первопредок назвал это проклятием.

— На самом деле, слова Первопредка не важны. Он не успел ввести Бай Цзяню достаточное количество генов, поэтому тот возвращается к истинному облику только в полнолуние. В обычное время гены Первопредка на него никак не влияют. Личность Бай Цзяня, его способности — это его собственное, — Бай Ишань посмотрел на ошарашенного Сы Юэ. — Что, думал, он такой сильный только из-за того гена?

— Ну... были такие мысли, — пробормотал Сы Юэ.

— При недостаточной дозе возникает лишь эффект возврата к истокам в полнолуние. Бессмертие — лишь побочное наказание. Если бы у Бай Цзяня не было такого самоконтроля, каждое полнолуние превращало бы его в безумное чудовище.

Сы Юэ смотрел на плавающие чайники, погруженный в свои думы.

— Так что, когда у него наступает время возврата к истокам, держись от него подальше, — подружески посоветовал старик. — Тем более что ты сейчас слаб, нужно быть осторожнее. Кто знает, может, он захочет притащить тебе из моря какую-нибудь «вкусную» гадость и заставить съесть.

Сы Юэ кивнул:

— Понял.

— Вы позвали меня только ради этого рассказа? — честно спросил он.

Бай Ишань улыбнулся:

— Кажется, мои дни сочтены. Мы еще не виделись, и я не знал, о чем с тобой говорить. Я был уверен, что Бай Цзянь сам не расскажет, вот и решил взять это на себя.

Лицо старика уже носило печать увядания. Сы Юэ хоть и проучился в меде всего год, чувствовал: от человека, который скоро уйдет, исходит совсем иная энергия. Он не знал, как утешить старика, поэтому просто пил чай чашку за чашкой.

— Ладно, иди. Я рад, что увидел тебя. Я доволен, — подытожил Бай Ишань.

Сы Юэ поставил чашку и встал. Отойдя на пару шагов, он вдруг обернулся:

— А вы в приставку играете? Я завтра приду и научу вас.

Бай Ишаню впервые задали такой вопрос. Он не стал отвергать доброту юноши и сразу согласился:

— Хорошо.

Умение спокойно встречать смерть — это великое дело. Сы Юэ невольно проникся уважением к старику.

После полудня пошел дождь. Грохотал гром, молнии рассекали небо напополам, на мгновение делая его светлым как день, а затем всё снова погружалось во тьму.

Сы Юэ сидел за столом у окна, изучая учебники по видеоурокам и попутно отвечая на сообщения Чэн Цзюэ.

[Ты взял отгул?]

[Круто-о-о! Я тоже хочу учиться дома!]

[Без тебя тут такая скукота, я сейчас умру!]

Сы Юэ быстро напечатал: «Приезжай ко мне на выходных».

[Правда можно? Класс!!! Привезу тебе вкусняшек!!!]

Возможно, из-за того, что ему не нужно было подстраиваться под темп группы, Сы Юэ продвигался даже быстрее программы. Раньше он не был таким гением, но, вероятно, помогло то, что Бай Цзянь заранее отметил в учебниках все важные моменты и добавил пояснения. А в маловажных частях написал, на что просто обратить внимание. Или же сказывалось влияние генов Бай Цзяня — ведь Бай Ишань говорил, что он выдающийся даже среди тритонов.

Сы Юэ посмотрел на свои конспекты и хмыкнул:

— Я действительно хочу заниматься этим каждый день...

— Чем заниматься?

Голос Бай Цзяня раздался прямо за спиной. Сы Юэ резко обернулся. Тритон принес с собой запах дождя и легкую прохладу. На его одежде блестели капли воды. Его лицо было спокойным, а в мягком взгляде таилась нежность, сглаживающая холод ненастной ночи.

Сы Юэ замер с ручкой в руке, глядя на него снизу вверх — на четкую линию челюсти, на белизну шеи, на ресницы, темные как вороново крыло. Сам Сы Юэ за время сидения дома стал каким-то мягким и покладистым, словно кот, которому пригладили шерстку.

Бай Цзянь, конечно, слышал его вздох и догадывался о причинах. Просто решил подразнить.

Сы Юэ долго молчал. Он понял, что Бай Цзянь всё слышал — это было видно по его ироничному взгляду.

Поэтому Сы Юэ вскинул бровь и лениво протянул:

— Да тобой же... соблазнять тебя.

<http://bllate.org/book/14657/1301541>